

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СМЫСЛЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ

© 2014 г. А. Л. Журавлев*, А. В. Юревич**

**Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор,
директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института психологии РАН, Москва;*

***Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук,
профессор, заместитель директора по науке, там же.*

Рассматриваются экономика и психология счастья как новые научные подходы к пониманию целей общества и ключевых ориентиров его развития. Описываются психологическая структура счастья и его основные компоненты. Анализируется соотношение таких близких понятий, как счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, субъективное благополучие. Обосновывается представление о смысле жизни как одном из фундаментальных компонентов удовлетворенности жизнью и счастья. Коллективные смыслы жизни являются одним из базовых элементов счастья в коллективистских культурах. Национальная идея, которой остро не хватает современной России, что порождает целый ряд характерных для нее “социальных болезней”, рассматривается в качестве одного из главных источников коллективных смыслов жизни.

Ключевые слова: экономика, психология, счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, качество жизни, смысл жизни, коллективные смыслы, национальная идея.

ЭКОНОМИКА СЧАСТЬЯ

Симптоматичной тенденцией в развитии современных социогуманитарных наук является их стремление к точности, количественному выражению изучаемых характеристик общества и одновременно обращение к таким сторонам его жизни, которые традиционно игнорировались ими как якобы исключающие точный количественный анализ. Одной из таких сторон является *счастье*, к которому стали проявлять интерес самые разные социогуманитарные дисциплины, причем первой его проявила наиболее строгая и математизированная из них – экономическая наука, в которой сложилось направление “экономика счастья”.

“Экономика счастья” во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных измерений и оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей, а “экономика рассматривается в гуманистических координатах – как инструмент создания *благополучия* для социума в целом и каждого человека в отдельности” [10, с. 62]. Экономист Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством как “золотой стандарт”

и лежать в основе всех политических решений [5]. По его мнению, счастье граждан – *единственный* показатель эффективности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для приумножения счастья [там же].

С экономистами солидарны и психологи, что является вполне естественным. М. Селигман утверждает, что мы вступаем в “экономику удовлетворенности жизнью”, и что успех бизнеса напрямую зависит от смысла жизни и межличностных отношений [12], а “политика государства должна быть направлена на умножение общего благополучия, и благополучием можно измерить ее успех или провал” [там же, с. 122]. При этом Селигман иронично замечает, что традиционный показатель результативности такой политики – ВВП – растет и тогда, когда строится новая тюрьма, происходит развод, случается автомобильная авария или совершается самоубийство [там же], т.е. рост ВВП может достигаться и путем “приумножения несчастий”¹.

¹ На это, правда, можно возразить, что состояние счастья тоже не может быть самоцелью, поскольку его испытывают и садисты, и педофилы, и другие антисоциальные личности.

Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизнью проявляется, например, в том, что, хотя жители западных стран сейчас в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изменился, а у 37% богатых американцев показатели счастья оказались ниже среднего [18]. М. Аргайл подчеркивает, что ученые до сих пор “не смогли понять, почему огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья. Вероятно, — пишет он, — данный факт обусловлен ростом притязаний: если раньше люди мечтали о собственном велосипеде, то сейчас им уже нужно два автомобиля” [1, с. 177]. Трудно понять и то, почему латиноамериканцы, живущие на грани нищеты, подчас более счастливы, чем куда более благополучные европейцы [18]. Хорошо известен также “парадокс Истерлина”, состоящий в том, что “счастье растет вместе с доходом до определенной точки, но не дальше” [14, с. 128], что связано с принципом “гедонистического колеса”: “притязания растут вместе с ростом дохода, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большее значение не абсолютный, а относительный уровень дохода” [там же].

Большое значение имело и доказательство того, что “субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию гораздо в большей степени, чем реальное положение дел” [14, с. 136]. Как отмечает С.В. Степашин, “удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом” [14, с. 137], и, соответственно, “начинает формироваться консенсус в плане того, что опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики” [там же]. Основное же отличие т.н. “вторичной” модернизации от “первичной” принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их *потребностей в счастье и самовыражении* [8].

Экономистами разработаны и количественные показатели “уровня счастья”: Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), взятые на вооружение такими авторитетными международ-

ными организациями, как ООН, Статистическое бюро Европейского Союза (*Eurostat*), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская Комиссия и др. Можно также предполагать, что со временем число таких предлагаемых показателей будет возрастать.

Структура индексов счастья, предложенных экономистами, выражает прежде всего их представления о характере этого феномена и его психологическом содержании. Так, при расчете Индекса счастливой жизни (или Индекса счастливых лет жизни) средний для той или иной страны нормализованный показатель *удовлетворенности* жизнью, изменяющийся в интервале от 0 до 1 и вычисляемый на основе ответов респондентов на соответствующий прямой вопрос: “Насколько вы удовлетворены своей жизнью?”, умножается на среднюю *продолжительность* жизни в этой стране, рассматриваемую как показатель *благополучия*. То есть счастье раскладывается на два слагаемых и выступает как производное от удовлетворенности жизнью и благополучия, оцененных описанным образом. Как пишет С.В. Степашин, «в силу многозначности и предельной субъективности понятия “счастье” в экономических и психологических исследованиях чаще используется термин *удовлетворенность жизнью* (life satisfaction), а для оценки “степени счастья” — субъективно оцениваемый уровень *благополучия* (well-being)» [14, с. 127]. Не вдаваясь в критический анализ подобного понимания счастья и способов оценки соответствующих показателей, отметим, во-первых, что, как показывает богатый опыт психологических исследований, “лобовые” вопросы малоэффективны при изучении “тонких” психологических феноменов, к числу которых, несомненно, принадлежит и счастье. Скажем, глубоко несчастный человек может ответить, что он вполне удовлетворен жизнью, под влиянием различных защитных психологических механизмов и т.п., кроме того, удовлетворенность жизнью может варьировать даже в течение одного дня в зависимости от многочисленных факторов. Во-вторых, можно прожить долгую, но неблагоприятную как в материальном, так и психологическом отношении жизнь, и данный показатель благополучия тоже выглядит, как минимум, очень “грубым”².

² К тому же этот Индекс предполагает экстраполяцию удовлетворенности жизнью на детские годы, основанную на весьма сомнительном предположении о том, что человек, в зрелом возрасте считающий себя благополучным, был таковым и в детстве.

Индекс счастливой планеты рассчитывается таким же способом при добавлении еще одного параметра – “экологического следа”, характеризующего потребление природных ресурсов той или иной нацией или социальной группой и имеющего собственно к счастью еще более сомнительное отношение (предполагается, что более счастливы те народы, которые потребляют меньше таких ресурсов, т. е. достигают удовлетворенности жизнью ценой меньшего насилия над природой, а, скажем, в случае Российской Федерации “экологический след” почти в два с половиной раза превышает его критическое значение) [10].

В целом же нетрудно заметить, что при всей позитивности самого факта обращения экономической науки и соответствующих организаций к измерению феномена счастья и понимания экономики как не самоцельного достижения экономических показателей, а лишь средства обеспечения счастья людей, само счастье выступает в этом контексте в весьма условном смысле – скорее как метафора, имеющая отдаленное отношение и к бытовому пониманию счастья, и к его научному психологическому наполнению.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЧАСТЬЯ

Психология счастья как область психологического исследования тоже стремительно развивается, хотя, по мнению М. Аргайла, пока не оказывает заметного влияния на общую психологию: в частности, в учебниках по психологии ей до сих пор не находится места. А “теории счастья пока не сложились в единое целое, хотя они, по-видимому, способны объяснить механизм действия многих важных источников счастья” [1, с. 181].

М. Селигман, отмечая, что понятие “счастье” от частого употребления на бытовом уровне “потеряло всякий смысл” [12, с. 20], считает, что первым шагом научного анализа должно быть выделение его *основных составляющих*, к числу которых относит положительные эмоции, вовлеченность в “поток” и смысл жизни [11, 12]. В качестве первых он называет удовольствие, восторг, наслаждение, теплоту, комфорт и т.п.³ Под вовлеченностью им понимается психологическое состояние, когда “все отходит на второй план,

время останавливается, и вы самозабвенно занимаетесь тем, что поглощает вас целиком” [12, с. 23]. По поводу третьей составляющей счастья он пишет: “Человеку непременно нужны смысл жизни и цель. Жизнь, наполненная смыслом, предполагает принадлежность к чему-то большему и служение ему” [там же, с. 22]. М. Аргайл, подчеркивающий, что “счастье – основное измерение человеческого опыта” [1, с. 176], считает, что “оно включает в себя позитивный эмоциональный настрой, удовлетворенность жизнью, а также такие когнитивные аспекты, как оптимизм и высокая самооценка” [там же, с. 176], отмечая при этом, что в качестве его составляющих можно рассматривать и другие элементы, например, наличие жизненной цели и т.п. [там же]⁴.

К понятию “счастье” очень близки такие понятия, как “субъективное благополучие” и “удовлетворенность жизнью”. М. Аргайл подчеркивает, что употребляет понятия счастья и субъективного благополучия как синонимы (при этом, правда, признавая, что субъективное благополучие, в отличие от счастья, включает и некоторые объективные переменные, например, доход и состояние здоровья), а удовлетворенность жизнью считает одной из основных *составляющих* счастья [1]. М. Селигман тоже отмечает, что “понятия *счастье* и *благополучие* мы используем как взаимозаменяемые термины” [12, с. 337]. Вместе с тем напрашивается трактовка счастья не просто как эквивалента субъективного, или психологического благополучия, а как его *превосходной степени*, одного из полюсов на его шкале. И.А. Джидарьян пишет о “тонких психологических различиях” [2, с. 172] между счастьем и удовлетворенностью жизнью, которые не всегда взаимно предполагают друг друга. Так, например, на основе выраженности двух этих феноменов А. МакКеннел выделяет *четыре типа личности*, образно обозначая их, как: 1) “достигающий” – человек, который одновременно счастлив и удовлетворен, 2) “смирившийся” – удовлетворенный жизнью, но несчастливый, 3) “устремленный” – счастливый, но неудовлетворенный, 4) “несостоявшийся” – несчастливый и неудовлетворенный [22]⁵. В целом ряде исследований удовлетворенность жизнью и субъективное (психологическое) благополучие рассматриваются как *факторы* счастья, и, стало быть, не эквивалентные ему понятия,

³ Эмпирические исследования демонстрируют, что наиболее часто упоминаемыми причинами радости, испытываемой человеком, являются: общение с друзьями (36% упоминаний), жизненные успехи (16%) и основные физические удовольствия – еда, напитки, сексуальные отношения (9%) [там же]. Впрочем, в разных выборках подобные соотношения, естественно, значительно варьируют.

⁴ Вообще следует отметить, что данный автор не вполне последователен в толковании счастья, в разных частях своей книги предлагая несколько различающиеся варианты его понимания [1].

⁵ Отметим, что подобных типов можно выделить больше четырех, используя то же основание группирования.

причем факторная нагрузка первого составляет 0.83, а второго – 0.60 (нагрузка других основных факторов следующая: аффективного баланса, т. е. соотношения положительных и отрицательных эмоций – 0.74, качества жизни – 0.69, оптимизма – 0.69, самооценки – 0.51) [17].

Субъективное благополучие обычно понимается как складывающееся из шести факторов: 1) физического и психического здоровья, 2) знания и понимания мира, 3) хорошей работы, 4) материального благополучия, 5) свободы и самоопределения, 6) удовлетворительных межличностных отношений [19]. К. Рифф выделяет такие компоненты психологического благополучия, как: 1) внутренняя гармония (принятие себя), 2) позитивные отношения с другими людьми, 3) независимость, 4) контроль над обстоятельствами, 5) наличие цели в жизни, 6) личностный рост [23]. Выделяются и такие элементы субъективного благополучия, как хорошая семья, жизненные достижения, отсутствие депрессии и тревожности [12] и др.

Можно заключить, что в целом психологи явно озабочены не столько изучением *психологического содержания* счастья, сколько выявлением *факторов*, влияющих на счастье и субъективное благополучие, которому и посвящена львиная доля психологических исследований этой проблемы. И, как пишет И.А. Джидарьян, “сегодня акцент ставится не столько на выявлении каких-то новых, ранее не учтенных факторов, способных оказывать воздействие на субъективное благополучие (например, экологическое состояние окружающей среды, степень скученности населения, качественный состав пищи, уровень психических расстройств, число разводов, самоубийств, степень алкоголизации общества т. д.), сколько на раскрытии особенностей и различных опосредованных форм такого влияния, на выявление структуры межфакторных связей, на обнаружение тех новых зависимостей и закономерностей, которые возникают на фоне общего роста благосостояния и уровня жизни людей в наиболее развитых странах Запада” [2, с. 55].

Удовлетворенность жизнью, рассматриваемая то как психологический эквивалент счастья, то как его компонент, то как предпосылка, тоже подвергается структурированию. Различные подходы к ее изучению основаны на выделении составляющих и вычислении интегративных показателей удовлетворенности. Наиболее часто она понимается как объединяющая удовлетворенность: 1) уровнем личной и семейной безопасности, 2) материальным положением, 3) отно-

шениями в семье, 4) достижением поставленных целей, 5) работой и возможностью творческой самореализации, 6) проведением досуга, 7) погодой, климатом и экологией, 8) социальным статусом, 9) отношениями с друзьями, 10) уровнем социальной стабильности и уверенности в будущем, 11) здоровьем.

При этом общая картина удовлетворенности жизнью, при наличии ее достаточно универсальных, повторяющихся компонентов, таких, например, как удовлетворенность семейным положением, работой, здоровьем, отношениями с друзьями и близкими, может иметь вариации, связанные с особенностями личности, социальных групп, культур и субкультур, к которым человек принадлежит, региона, в котором он проживает, и т.п. Например, для жителей неблагополучных в климатическом отношении районов, где человек может лишиться имущества и даже жизни в результате землетрясения, наводнения или какого-либо другого природного катаклизма, важным фактором удовлетворенности является климат, не имеющий большого значения в более спокойных в климатическом отношении регионах.

Обращает на себя внимание сходство основных составляющих удовлетворенности жизнью и главных показателей *качества жизни*, вычисляемых для разных стран различными международными организациями. В частности, методология его оценки, разработанная в 2005 г. компанией “*Economist Intelligence Unit*”, основана на следующих показателях: 1) здоровье населения, 2) устойчивость семьи, 3) интенсивность общественной жизни, 4) материальное благополучие, 5) политическая стабильность и безопасность, 6) климат и география, 7) гарантированность трудовой занятости, 8) политическая свобода, 9) гендерное равенство [10]⁶.

Близость подобных индикаторов показателям субъективного благополучия выражает сходство основных ценностей на уровне индивида и общества, а их некоторое расхождение – тот факт, что социальные ценности, такие, например, как гендерное равенство, не всегда трансформируются в ценности индивидуальные, а на социальном уровне существуют ценности, отсутствующие или не имеющие большого значения на уровне индивидуальном. В целом же соотношение между соответствующими понятиями – качеством жизни и удовлетворенностью ею – может быть охарак-

⁶ В первую десятку среди 111 стран мира, оцененных по этим показателям, входят: 1) Ирландия, 2) Швейцария, 3) Норвегия, 4) Люксембург, 5) Швеция, 6) Австралия, 7) Исландия, 8) Италия, 9) Дания, 10) Испания.

теризовано как отношение между родственными понятиями, одно из которых характеризует благополучие общества в целом, другое – благополучие образующих его индивидов. А прямые сопоставления субъективного благополучия и качества жизни демонстрируют корреляции между ними порядка 0.57 [18], что говорит, с одной стороны, об их тесной связи, а с другой – о невозможности рассматривать субъективное благополучие как непосредственное психологическое отображение качества жизни, ибо оно одновременно выражает влияние других факторов. Например, в Австрии и Нигерии зафиксированы примерно близкие показатели субъективного благополучия, хотя качество жизни в этих странах существенно различается [1].

Вообще проводить международные сравнения, когда речь идет о таких понятиях, как счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие и др., достаточно сложно – в первую очередь потому, что, как отмечает М. Аргайл, счастье может принимать различные формы в разных культурах [1] и пониматься по-разному. На разной высоте у них находится и “планка счастья”: представители менее притязательных народов могут быть счастливы от того, что привычно для представителей других и не вызывает у них сильных эмоций, скажем, от обладания автомобилем. Очень важным является вопрос и о *качестве* счастья, конкретном наполнении этого понятия в разных культурах, который пока всерьез не затронут его исследователями [там же], хотя эта тема, производная от проблемы психологического содержания счастья, должна быть одной из приоритетных для психологической науки.

Удовлетворенность жизнью в современном, в том числе и российском, обществе, характеризующемся высокой значимостью материальных ценностей, испытывает большое влияние экономических факторов, но не столько самих по себе, сколько их психологического преломления, выражаемого понятием *субъективного экономического благополучия* (СЭБ). Исследования В.А. Хашенко демонстрируют, что взаимосвязь СЭБ и удовлетворенности жизнью носит “взаимный, прямой и опосредованный характер” [16, с. 68]. Свое субъективное экономическое благополучие человек оценивает в соотношении с материальным положением референтных для него окружающих. При этом “субъективное экономическое благополучие, помимо удовлетворенности социально-экономическими условиями жизни, зависит от отношений индивида с ближайшим социальным окружением, восприятия им собственного успеха в жизни,

а также реализованности потребности в независимости” [там же, с. 65]. Оно может находиться в весьма отдаленных отношениях с объективным социально-экономическим статусом человека. По мнению В.А. Хашенко, возможны, как минимум, 4 варианта соотношения СЭБ с удовлетворенностью жизнью, порождающие соответствующие экономико-психологические типы людей: 1) обеспеченные, но недовольные, 2) нуждающиеся недовольные, 3) нуждающиеся, но довольные, 4) обеспеченные и довольные [там же].

Несмотря на возможность подобных расхождений, очевидна тесная связь между такими феноменами и понятиями, как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни и т. п., а также между их исследованиями. Как пишет И.А. Джидарьян, “существует прямая связь между исследованиями, посвященными психологии счастья и удовлетворенности жизнью, с одной стороны, и общесоциологической концепцией качества жизни (Quality of Life), с другой” [2, с. 51]. Причем, по ее мнению, “ведущее влияние первоначально исходило со стороны качества жизни” [там же, с. 51]. В свою очередь, “в структуре этой концепции (качества жизни – А.Ж., А.Ю.) важное значение придавалось понятию субъективного благополучия (Subjective Well-Being) личности, которое имело четко выраженный психологический смысл, связанный с понятиями счастья и удовлетворенности жизнью” [там же, с. 51]. При этом, добавляет И.А. Джидарьян, «психологическая ориентированность понятия “качество жизни” многим авторам представляется настолько очевидной и существенной, что они даже предпочитают прямо определять его как “внутреннюю удовлетворенность” или “чувство субъективного благополучия личности»» [там же, с. 53]. В результате “иногда бывает трудно определить, направлена та или иная конкретная работа на исследование качества жизни или она посвящена психологии счастья и общей удовлетворенности жизнью” [там же].

Следует также подчеркнуть *психосоциальный* характер рассмотренных понятий – в смысле их отнесенности одновременно и к индивиду, и к социальным группам, и к обществу в целом, что создает возможность анализа на их основе как индивидуально-психологических, так и макропсихологических феноменов. В то же время на уровне личности и на уровне социума эти понятия приобретают существенно разное наполнение, например, понятие психологического благополучия *общества*, видимо, должно включать такие показатели, как уровень преступности, ча-

стота нервно-психических заболеваний, количество суицидов и т.п., тогда как психологическое благополучие *индивида* измеряется совершенно иными показателями, прежде всего теми, о которых речь шла выше.

Необходимо также отметить, что в исследованиях счастья часто стирается грань между структурными *элементами* счастья и его *предпосылками*, влияющими на него *факторами*, что создает препятствия определению границ этого понятия и анализу его внутренней структуры. А при его фактическом отождествлении с понятиями удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия от исходного – несколько романтического – наполнения понятия счастья не остается и следа, и оно фактически сводится к другим, более привычным и “удобным” для научного психологического анализа понятиям, лишенным как соответствующей “ауры”, так и коннотаций, характерных для бытового восприятия счастья. Нивелируется также различие между счастьем как временным состоянием человека, хорошо описанным в художественной литературе (“в этот момент он почувствовал себя счастливым”, “как важно испытать счастливые моменты”, “с нею он был счастлив” и т. п.), и его *стабильным* состоянием (во втором смысле счастье, скорее всего, предстает как эквивалент удовлетворенности жизнью и др.).

СМЫСЛОЖИЗНЕННАЯ ОСНОВА СЧАСТЬЯ

Важный аспект обращения психологии к проблеме счастья связан с развитием позитивной психологии, в определенном смысле служащей альтернативой и противовесом как традиционной психологии, так и очень выраженной сосредоточенности представителей социогуманитарной науки, как отечественной, так и мировой, на изучении негативных явлений в обществе. “По своему объективному содержанию и смыслу позитивная психология – это закономерный итог отношения новой генерации ученых к сложившейся в предыдущие годы несбалансированности психологической науки, в которой преимущественное внимание уделялось негативным сторонам и проявлениям психики – депрессии, стрессу, страху, алкоголизму, агрессии, тревожности, одиночеству, беспомощности, когнитивным ошибкам и искажениям, неэффективным решениям и т.д.” [2, с. 220].

Как подчеркивает основатель позитивной психологии М. Селигман, “устранить неблагоприятные условия, однако, совсем не то, что создать благоприятные. Если мы стремимся к процвета-

нию и благополучию, страдания действительно нужно свести к минимуму, но кроме того в нашей жизни должны быть положительные эмоции, смысл, достижения и хорошие взаимоотношения с людьми” [12, с. 70–71]. Селигман добавляет, что традиционная психотерапевтическая практика, направленная на избавление пациентов от гнева, тревоги, печали и других негативных эмоций и чувств, делает их не столько счастливыми, сколько *опустошенными* [там же], поэтому психотерапевтические приемы развития положительных эмоциональных состояний не должны сводиться к минимизации негативных состояний. А традиционной психологической науке и практике он дает такую характеристику: “Обычная психология – психология жертв, отрицательных эмоций, психоза, патологии и трагедии” [там же, с. 129]. Эту традицию психологии основатель позитивной психологии возводит к З. Фрейду, который считал, что “психическое здоровье – всего лишь отсутствие психического заболевания” [12, с. 230], и был последователем А. Шопенгауэра, полагая, как и этот философ, что счастье – иллюзия, и лучшее, на что можно надеяться, – свести несчастья и страдания к минимуму [там же]. М. Селигман пишет: “Благодаря Фрейду и его подходу психология и медицина смотрят на мир сквозь призму патологии и интересуются лишь вредным воздействием неблагоприятных событий. И психология, и медицина переворачиваются на 180 градусов, если задаешься вопросом, противоположным патологии: об укрепляющем воздействии событий благоприятных. И действительно, любые начинания – в области питания, иммунной системы, социального обеспечения, политики, образования или морали – направленные на лечение, упускают из виду эту идею и делают лишь полдела: исправляют недостатки, не пытаясь укреплять достоинства” [там же, с. 234–235].

Важность позитивных предпосылок счастья проявляется и на макропсихологическом уровне. Отмечая, что на протяжении последних лет число удовлетворенных жизнью в нашей стране устойчиво удерживается на уровне 73–75%, в то время как прекрасное настроение имеют только 3% опрошиваемых⁷, И.А. Джидарьян объясняет эти грустные результаты не только тем, что наше общество живет в состоянии устойчивого психического напряжения, неослабевающего раздражения, глобального недоверия, неуверенности, растерянности и т.п., т.е. *негативными* факторами, но

⁷ Отметим, что более поздние социологические опросы демонстрируют более оптимистический настрой наших сограждан.

и *дефицитом позитивных*: тем, что “как правило, нет уверенности в завтрашнем дне, отсутствуют идеалы, люди не чувствуют себя участниками событий, происходящих в стране”⁸ [2, с. 57]. При этом чуть ли не каждый второй россиянин не верит в то, что когда-либо будет жить лучше, а людей, чувствующих себя счастливыми, в нашей стране ощутимо меньше, чем в западных странах [там же]. Джидарьян заключает, что “все это очень тревожно, поскольку речь идет о состояниях, ведущих к фрустрации и социопатии населения страны” [там же, с. 5]; фрустрация же, в силу широко известной психологической закономерности, может порождать агрессию и т.д.

Исследования показывают, что счастье и такое его слагаемое, как *смысл жизни*, значат для человека больше, чем деньги и даже возможность попасть в рай [21]. Смысл жизни в структуре основных составляющих счастья, выделяемых М. Селигманом и другими исследователями, играет ключевую, цементирующую роль своеобразного “стабилизатора” – уже хотя бы потому, что, как давно подмечено, человек ежедневно переживает несравненно больше отрицательных эмоций, чем положительных [15], и необходимо нечто, что сохраняло бы его позитивный тонус в условиях отрицательных эмоций, способствуя восприятию их и вызвавших их событий как ситуативных и малосущественных на фоне “главного” [4]. Основополагающая роль смысла жизни связана и с известным феноменом, состоящим в том, что, как заметил еще Сенека, “чем больше стремишься к счастью, тем больше от него отдаляешься” [Цит. по: 2, с. 80]. Это побудило Дж.С. Милля сформулировать “целевую” стратегию счастья, в соответствии с которой счастье приносит не стремление к нему самому, а *достижение значимых целей* [там же], которые должны вытекать из главного для человека – смысла его жизни. Тот факт, что нельзя искать счастье намеренно, что оно должно прийти само, как “побочный продукт” других поступков, подчеркивает и М. Аргайл [1]. Из этого, в частности, вытекает парадоксальный факт, состоящий в том, что народы, живущие в плохих материальных условиях, но объединенные *единой целью*, которая придает смысл жизни их предста-

вителям, часто оказываются более счастливыми, нежели живущие гораздо богаче, но лишенные таких объединяющих целей.

Как отмечает И.А. Джидарьян, «“недостаток” счастья компенсировался в русском народе его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтой о благополучном и счастливом будущем, поисками более высоких идеальных оснований бытия, а также стремлением к смыслу жизни, без которого для русского сознания нет счастья» [2, с. 43]. Так, в отмеченные дефицитом товаров первой необходимости и политическими репрессиями советские годы все же “были историческая перспектива, чувство великой Родины и сознание необходимости совместной борьбы и самоотверженного труда за общее благо” [там же, с. 46], а постепенное “испарение” этих объединяющих нацию чувств и послужило главной психологической причиной распада советского государства. Что же касается современной России, то “к сожалению, современное российское общество осталось без идеалов, вдохновляющих и духовно укрепляющих идей, способных придать смысл нашему национальному бытию и историческому существованию в мире” [там же]. В результате симптоматично, что, как показывают социологические опросы, советский человек был счастливее, чем сегодняшний россиянин [13], хотя, конечно, в объективности результатов опросов, проводившихся в советское время, можно и усомниться, однако, от этого принципиально не изменятся сами выводы.

Принято различать два основных типа счастья – гедонистический и эвдемонистический, причем для последнего характерна “смысложизненная ориентация личности, при которой смысл жизни оказывается выше самой жизни (естественные потребности человека). Соответственно, основным источником удовлетворенности и счастья для этого типа людей выступает не сама по себе возможность жить и иметь обычные житейские радости и блага, не просто возможность развивать и удовлетворять свои насущные потребности, искать и находить все новые источники удовольствия, а наличие высокой цели и смысла жизни, возможность неукоснительно следовать и самозабвенно служить им, добиваясь реализации большой и общественно значимой цели” [2, с. 83].

Слова “самозабвенно служить” в приведенной формулировке могут вызвать ассоциации с жертвованием всем личным ради общественного, на которое ориентировала людей советская идеология, и которое характерно для таких литератур-

⁸ Это утверждение корреспондирует с данными различных социологических исследований о том, что примерно 80% наших сограждан убеждены в своей полной неспособности влиять на происходящее в стране [3]. На психологическом уровне это сопровождается формированием внешнего локуса контроля и чувства беспомощности, а на политическом – небызызнанной “управляемой демократией”, для которой характерна априорная предопределенность результатов выборов и т. п.

ных персонажей, как, например, Павел Корчагин, едва ли способных служить образцами для подражания в современном российском обществе. Вместе с тем “служение идеалам” вовсе не обязательно предполагает такую степень жертвенности и характерно не только для персонажей, подобных упомянутому, но и, например, для самоактуализирующихся личностей, описываемых А. Маслоу, – выдающихся ученых, писателей, музыкантов и др. [6]. Наличие в их жизни высоких смыслов не лишает ее земных радостей, а, наоборот, подводит под них устойчивый фундамент, позволяя получать от них еще большее удовольствие, так как они глубоко вписаны в общий смысложизненный контекст. Это, наверное, и есть современный вариант эвдемонистического счастья, а его антипод – счастье гедонистическое – представляет собой отрыв естественных человеческих удовольствий от еще более естественного для человека – его смысложизненных ценностей.

Тем не менее, вычленение “стандартной структуры счастья” и его необходимых компонентов осложняется и тем, что, как отмечалось выше, представления о счастливой жизни существенно зависят от особенностей различных культур и народов, и тем, что для разных личностей те или иные структурные элементы счастья могут выходить на первый план, делая другие элементы менее значимыми. Для одних счастье предполагает служение идее, определяющей смысл их жизни, для других он вообще не особенно нужен, и достаточно лишь постоянного получения удовольствий. Но оба варианта представляются крайними, а “типовая структура счастья” предполагает наличие всех его основных компонентов. Она включает: 1) положительный аффективный баланс – количественное преобладание позитивных эмоций над негативными, 2) определенное восприятие тех и других: радостей как существенных и закономерных, неприятностей – как временных и преодолимых (за этим стоят оптимизм, позитивное мышление и соответствующий стиль каузальной атрибуции), 3) положительный когнитивный баланс – количественное преобладание позитивно окрашенных мыслей над негативно окрашенными, 4) позитивный образ мира в целом, 5) наличие смысла жизни, позволяющего получать от нее удовольствия и одновременно воспринимать ее как достижение значимых целей, 6) полноценную смысловую иерархию, предполагающую гармоничное сочетание личностных и надличностных смыслов, 7) общую удовлетворенность всеми основными элементами жизненной ситуации – своим здоровьем, работой, отношениями с друзьями и членами семьи, ситуацией в стране и т.д.

Вместе с тем человек может быть вполне счастлив и в отсутствие каких-либо из перечисленных выше компонентов счастья, поэтому возможно выделение “типов счастья” на основе их различных сочетаний. Возможно также выделение таких типов и на других основаниях, например, различение “событийного счастья”, основанного на насыщенности жизни различными событиями, и “тихого счастья” живущих спокойной и не “событийной” жизнью людей, монокомпонентного счастья, основанного на превалировании одного из его элементов (например, “с милым и в шалаше рай”, “счастье матери – в детях”), и поликомпонентного, и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ИСТОЧНИК КОЛЛЕКТИВНЫХ СМЫСЛОВ

Зависимость счастья от наличия смысла жизни проявляется не только на уровне отдельного человека, но и на уровне социума. Правда, и в данном случае возможно сохранить понимание смысла жизни как сугубо индивидуального феномена. В принципе общество может состоять из индивидов, каждый из которых преследует личные цели – разбогатеть, стать образованным или знаменитым, обеспечить благополучие своей семьи и т. п., которые придают смысл личной жизни каждого человека. Такое общество можно назвать “диссипативным”, и оно близко к тому, что представляет собой современная Россия.

Вместе с тем, как отмечает М. Аргайл, для *коллективистских культур* характерно, что оценка удовлетворенности жизнью основывается не только на личном счастье, но и на благополучии группы [1]. М. Селигман пишет: “Осмысленной жизнь становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, – и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь” [12, с. 335]. А анализ воспоминаний людей, переживших невыносимые ситуации, показывает, что выжить в этих ситуациях им помогало наличие важной цели, стоящей выше личных интересов [9].

Общества, в которых сильны традиции коллективизма, переживают свое актуальное “диссипативное” состояние как *смысловой вакуум*, а отсутствие коллективных, общенациональных смыслов порождают массовую аномию, утрату объединяющих начал, отсутствие перспективы и другие негативные явления. Подробный перечень таких явлений – “социальных патологий” – дает А. Маслоу, относя к их числу аномию, отчужде-

ние, потерю вкуса к жизни, безразличие, тоску, скуку, экзистенциальный вакуум, ноогенный невроз (невроз потери интереса к жизни), апатию, отстраненность, фатализм, десакрализацию жизни, духовные кризисы, желание смерти и безразличие к ней, чувство собственной бесполезности, ненужности и незначимости, беспомощность, ощущение отсутствия свободы воли, тотальный скептицизм, безверие, отчаяние, безрадостность, опустошенность, цинизм, агрессивность, вандализм, отчуждение от старших, родителей, авторитетов и т.п. [6]. Все подобные “социальные болезни” предстают в социологических, социально-психологических, политологических и других исследованиях в качестве характерных для современного российского общества, во многом находящегося в состоянии “смыслового вакуума”. А попытки отечественных неоллибералов внедрить в наше массовое сознание индивидуалистские ценности, заменив общенациональный смысл индивидуальными, хотя и не лишены успешности в распространении подобных ценностей прежде всего среди молодежи, реально этот вакуум не заполняют.

Соответственно, для коллективистских обществ, в том числе и для современного российского общества, крайне актуально наличие таких *коллективных смыслов*, которые бы оказывали влияние на индивидуальные смыслы его граждан, а также придавали соответствующий смысл объединяющим их сообществам и видам деятельности⁹. Возможно построение *иерархии* таких смыслов на основе выделения их уровней – от смыслов коллективной деятельности различных организаций (корпоративных) до коллективных смыслов, проявляющихся на уровне общества, нации, государства, а также человечества в целом. Причем в данном случае проступает логика их актуализации, во многом аналогичная логике актуализации личностных потребностей разного уровня в теории А. Маслоу [6]. Так, обострение ситуации на макросоциальных уровнях в условиях войн, других серьезных угроз общенациональному благополучию, а также человечеству в целом оттесняет коллективные смыслы более низких уровней на второй план, делая более актуальными глобальные смыслы. А исследовательский проект “Обзор мировых ценностей”, реализованный в 80 странах, продемонстрировал, что в современном мире

растет доля населения, причем как в богатых, так и бедных странах, склонного к размышлениям о смысле и цели жизни [20]. При этом отчетливо артикулирована и мысль о том, что человеку трудно чувствовать себя счастливым, жить полноценной, наполненной позитивными эмоциями жизнью в больном обществе, характеризующемся преступностью, коррупцией, несправедливостью, угнетением и бедностью [9].

Подобная ситуация проявляется и в современной России, глобальные проблемы которой обостряют *актуальность общенациональных смыслов*, главными среди которых служат объединяющие нацию идеи и получившие в различных социогуманитарных науках собирательное обозначение “*национальной идеи*” (в действительности любая национальная идея предполагает систему идей относительно прошлого нации, ее настоящего и будущего, исторической миссии и т.п.). Ее отсутствие, особенно в условиях традиционного коллективизма¹⁰ российского общества и специфических характеристик российского менталитета, эквивалентно отсутствию главного источника объединяющих наше государство коллективных смыслов. Поэтому закономерно, что с начала 1990-х гг. в среде отечественных идеологов, политиков и обществоведов предпринимаются настойчивые попытки поиска национальной идеи, которая послужила бы основой формирования *общенационального смысла*. Это имеет не только идеологические, но и психологические предпосылки, связанные с вышеизложенным, а также с тем, что «исторически для России и россиян одним только “хлеба и зрелищ” всегда было мало, у них постоянно была сильно выражена потребность в национальной идее и вере» [2, с. 198]. Такие поиски, при всей неудовлетворительности достигнутых на настоящий момент результатов¹¹, психологически оправданны. Общенациональная идея, которая была бы способна сформировать

⁹ Каждый из этих видов может восприниматься их субъектами как решение личных задач, а может – как служение народу, отечеству и т.п., что ранее широко культивировалось и было очень характерным для советского периода российской истории.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что коллективные смыслы имеют большое значение и для тех культур, которые принято считать индивидуалистическими. В частности, американское общество всегда базировалось не только на ценностях свободы, гарантии прав личности и т.п., но и на *общенациональных* целях, таких как процветание нации, позднее – ее доминирующее положение в мире и др.

¹¹ Одна из главных трудностей в нахождении национальной идеи состоит в неоднородности нашего общества, принимающей катастрофические размеры. Какая общая идея может объединять, например, жителей полуразрушенных российских сел, думающих главным образом о добытии хлеба насущного, и олигархов, озабоченных в основном поиском новых способов истратить деньги? Благополучие России и то, какими путями ей надлежит развиваться, они, естественно, понимают по-разному.

общенациональный смысл, породила бы и *общенациональную перспективу*, создав, таким образом, важнейшие предпосылки жизнестойкости и жизнеспособности нации, а также массового оптимизма и других важнейших составляющих субъективного благополучия граждан. При этом такие формулировки национальной идеи, как, например, “Россия должна быть и должна быть всегда” [7], страдают явным дефицитом конкретики, по сути, сводя национальную идею лишь к *существованию* России и оставляя без ответов краеугольные вопросы о том, *какой* ей следует быть, и, если ей надлежит выполнять некую *историческую миссию*, то в чем именно эта миссия должна заключаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные нетрадиционные понятия психологической науки, такие как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни, цель жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему понятий, все же прорисовывается определенный вектор детерминации этих феноменов (естественно, не являющийся единственно возможным). Так, национальная идея способна служить источником коллективного смысла жизни, формирующего *базовый компонент* индивидуальных смыслов, но далеко не исчерпывающего их. Он, в свою очередь, может служить источником оптимизма¹², жизнестойкости, жизнелюбия и, в конечном счете, жизнеспособности личности и витальности нации, оказывая также большое влияние на субъективное качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и высшее проявление этой удовлетворенности – счастье ее граждан.

Осознание соответствующих влияний должно учитываться государственной политикой, которая в нашей стране все еще страдает “экономическим детерминизмом” и, соответственно, дефицитом внимания к неэкономическим целям [17]. Как отмечает М. Аргайл, “весьма распространена такая точка зрения, что первостепенная задача

правительства – повысить материальный уровень жизни людей; правда, признается и значимость других целей (таких, как образование и здравоохранение). ... Но ничего не говорится о том, чтобы сделать людей счастливее” [1, с. 181]. А именно эта задача, конкретные ответы на вопрос о том, “каковы должны быть действия правительства, чтобы в стране стало больше счастливых людей?” [там же, с. 181], сейчас выходит на первый план, в том числе и в нашей стране, где, как и другие общесоциальные задачи, она должна решаться с учетом специфики самого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргайл М. Психология счастья. М., 2003.
2. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
3. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М.: Academia, 2007.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
5. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
7. Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 1–6.
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир, 2011.
9. Поддъяков А.Н. Психология счастья и процветания и проблема зла // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 109–136.
10. Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса. М.: Наука, 2010.
11. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
12. Селигман М. Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
13. Сикевич З.В. “Образ” прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 87–93.
14. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

¹² И.А. Джидарьян отмечает, что категория оптимизма в свою очередь тесно сопряжена с целым кругом других понятий, характерных для позитивной психологии: “вера”, “надежда”, “жизнестойкость”, “энтузиазм”, “витальность”, “мужество”, “юмор”, “самоэффективность”, “сила духа” и др. [2].

16. Хащенко В.А. Типология субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 58–69.
17. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
18. Diener E., Suh E. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators // Social Indicators Research. 2013. V. 40. № 1–2. P. 189–216.
19. Giovanini E., Hall J. Morrone A., Rannuzi G. A framework to measure the progress of societies, OECD Working Paper, 2009.
20. Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
21. King L.A., Napa C.K. What makes a life good? // J. of Personality and Social Psychology. 1998. V. 87. № 1. P. 156–165.
22. McKennel A.C. Cognition and affect in perception of well-being // Social indicators research. 1978. V. 5. № 4. P. 389–426.
23. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // J. of Personality and Social Psychology. 1989. V. 57. № 6. P. 1069–1081.

COLLECTIVE MEANINGS AS A PREMISE FOR PERSONAL HAPPINESS

A. L. Zhuravlev*, A. V. Yurevich**

**Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Director of the Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

***Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Deputy Director, the same place.*

Economy and psychology of happiness as new scientific approaches to society's goals and key points of its development understanding are examined. Psychological structure of happiness and its main components are described. Correspondences between such resembling notions as happiness, satisfaction with life, subjective quality of life and subjective well-being are analyzed. Conception about meaning of life as one of fundamental components of satisfaction with life and happiness are based. Collective meanings of life are supposed to be one of the basic elements of happiness in collectivist cultures. National idea the lack of which in Russia gives rise to a number of typical "social diseases" is considered as the main source for collective meanings of life.

Key words: economy, psychology, happiness, satisfaction with life, subjective well-being, quality of life, meaning of life, collective meanings, national idea.